

УДК 811.161.1

ГЛАГОЛЫ-ОТАДЪЕКТИВЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ПРИОБРЕТЕНИЕ ПОЛНОЙ МЕРЫ НОВОГО ПРИЗНАКА' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Лавыш

аспирант

Гродненский государственный
университет имени Я. Купалы

В данной статье отмечены и кратко охарактеризованы имеющие место в современном языкознании различные точки зрения на специфику проекции средствами деривации семантики признака в глагол. Особое внимание уделено отношениям градуальности становления мотивирующего основой прилагательного признака, находящего отражение в семантике глаголов-отадъективов. Подробно проанализированы номинативные ряды данных глаголов, а также проведен сопоставительный анализ их функционирования в современном тексте.

Ключевые слова: словообразование глаголов, глаголы-отадъективы, категория градуальности, общее и частное словообразовательные значения, деривационные сочетания, инхоативные глаголы.

Введение

В деривационном плане всегда был интересен процесс трансформации одной части речи в иную: с помощью каких средств и в какой мере может быть представлено конкретное семантическое содержание мотивирующих лексем с учетом их многозначности и всех возможных <зафиксированных в словарях> лексических сочетаемостей. "Признание необходимости исследования денотативного пространства глагола связано <...> с признанием сигнификативно-денотативной природы признакового слова, в первую очередь глагольного. Сигнификативную часть семантики глагола составляет собственно признаковое,

процессуальное, реляционное значение; денотатом глагола является понятие, представление о ситуации, включающее участников ситуации и другие обстоятельства" [1, с. 225].

Мир вокруг нас, представляющий себя совокупностью различных систем, отражен в лексике языка, которая, в свою очередь, является сложной, но все же определенным образом организованной системой. "Лексические единицы словарного состава языка оказываются тесно связанными не только на основании их ассоциативной связи по сходству или смежности как лексико-семантические варианты многозначного слова, смыслового содержательного сходства как синонимы, взаимной "обратности" при обозначении одного и того же действия или отношения как конверсивы, родовидовых отношений как гипонимы, но и на основании их противоположности как антонимы" [2, с. 6]. Сюда же относятся лексико-семантические группы, гипо-гиперонимические ряды, лексико-семантическое поле и целый ряд других проявлений лексико-семантических отношений, в числе которых и отношения градации.

Логически категория признака изначально предполагает его количественную характеристику проявления, потому что любой признак не представляется как неизменный, однородный. А это означает, что он может градуироваться, проявляться с разной степенью интенсивности. "Данная особенность качественных прилагательных (обозначение признака, который в отношении интенсивности мыслится как переменный) может играть роль при установлении в языке разного рода лексических противопоставлений" [3, с. 104]. Ранее изучению таких отношений уделялось внимание в трудах отечественных и зарубежных лингвистов чаще всего в связи с синонимией или антонимией (Л.А. Новиков, М.Ю. Максимов,

Л. Гильбер, Дж. Лайонс и др.), тогда как в современных лингвистических исследованиях всё чаще обращаются к изучению и описанию категории градуальности (С.М. Колесникова, Б.Ю. Норман и др.).

Глаголы-отадъективы в русском языке представлены достаточно схожими компактными словообразовательными типами с несколькими общими словообразовательными значениями: 'приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным', 'наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным' и 'проявлять признак, названный мотивирующим прилагательным'.

Рассмотрим подробнее номинативные ряды глаголов-отадъективов с семантикой 'приобретение признака, названного производящей основой'. Это общее словообразовательное значение в большинстве случаев характерно для суффиксальных глаголов русского языка с формантами *-а-, -ну-, -е-*: *ветшать, дичать, дорожать, крепчать, легчать, мельчать, нищать, тончать; гложнуть, крепнуть, мокнуть, слепнуть, сохнуть; беднеть, белеть, богатеть, влажнеть, грустнеть, грязнеть, дешеветь, дурнеть, жирнеть, зеленеть, крупнеть, леденеть, молодеть, мутнеть, неметь, паршиветь, простеть, прочнеть, пьянеть, светлеть, седеть, слабеть, стареть, темнеть, тяжелеть, толстеть, хорошеть, худеть, червиветь, яснеть*. Такие глаголы чаще всего соотносятся с деривационными сочетаниями с компонентом *становиться*: *тончать – становится тонким, слепнуть – становится слепым, сохнуть – становится сухим, беднеть – становится бедным, лысеть – становится лысым, неметь – становится немым, прочнеть – становится прочным, светлеть – становится светлым, червиветь – становится червивым*.

Основная часть

Рассматривая семантику 'становление признака' глаголов-отадъективов на *-еть*, М.Н. Янценецкая формулирует интересное и емкое семантическое правило: "мотивировать инхоативное значение глагола могут только лексико-семантические варианты прилагательных с прямым значением признака, объективно присутствующего предмету и потенциально-способного изменяться в соответствии с естественным развитием предмета" [3, с. 106]. Однако стоит обратить внимание на то, что данное правило не предполагает учет аналитических средств, которые в ряде случаев оказываются способными преодолеть известные семантические ограничения и эксплицировать исходный признак в глагольную семантику. Немного ниже мы рассмотрим и такие примеры.

Обратим внимание на то, что становление признака может конкретизироваться в двух частных словообразовательных значениях, которые во многом зависят от лексического значения производящего прилагательного, а именно: семантика приобретения нового признака и семантика усиления уже имеющегося признака. Учитывая эвентуальность производного отадъектива эксплицировать эти частные словообразовательные значения, мы можем выделить три группы глаголов: 1) глаголы, реализующие значение 'приобретение полной меры нового признака'; 2) глаголы, реализующие значение 'относительное усиление уже имеющегося признака'; 3) глаголы, реализующие оба значения.

Первая группа глаголов в большинстве случаев мотивирована прилагательными с лексическим значением высокой (интенсивной) степени качества. Собственно, такие прилагательные семантически ограничены и в возможности образовывать формы степени сравнения. Деривационными эквивалентами глаголов-отадъекти-

вов являются сочетания типа “*становиться / стать + прилагательное в исходной форме*”. Ср: *глухой* ‘лишенный слуха’ – *глохнуть / оглохнуть* – *становиться / стать глухим*; *косой* ‘косоглазый’ – *косеть / окосеть* – *становиться / стать косоглазым* (‘ослепнуть на один глаз’ – С.И. Ожегов); *кривой* ‘ослепший на один глаз (разг.)’ – *криветь / окриветь* – *становиться / стать кривым*; *мрачный* ‘погруженный во мрак, окутанный мраком’ – *мрачнеть / омрачнеть* – *становиться / стать мрачным*; *немой* – *неметь / онеметь* – *становиться / стать немым*; *пустой* ‘ничем не заполненный’ – *пустеть / опустеть* – *становиться / стать пустым*; *слепой* – *слепнуть / ослепнуть* – *становиться / стать слепым*; *тощий* – *тощат / отощат* – *становиться / стать тощим*.

Неслучайно мы дополнили номинативные ряды данных глаголов префиксальными, которые легко составляют видовые пары, подчеркивая еще раз их семантику результативности. Обратим внимание на следующий пример: прилагательное *голый* в значении ‘не имеющий на себе одежды, покровов, нагой’, как и приведенные выше слова, выражает абсолютную степень признака. В составе словообразовательного гнезда А.Н. Тихонов [4] указывает мотивированный данным адъективом инхоативный глагол *оголеть*; в толковых словарях его значение интерпретируется как ‘лишиться покрова; оголиться’ (БАС, под ред. Т.Ф. Ефремовой и др., за исключением С.И. Ожегова). В словарях синонимов, форм слов, орфографических словарях современного русского языка данная дефиниция также рассматривается. Однако в подкорпусе НКРЯ [5] в составе текстов, созданных в период с 1990 по 2018 г. (объемом 46359 документов, 8796561 предложение, 103768626 слов), не нашлось ни одного случая употребления дан-

ного глагола. Однако в коммуникативной системе языка, как стилистически более нейтральные, могут получить большее распространение деривационные сочетания *стать / становиться голым*, которые способны аналитически эксплицировать семантику, соответствующую глаголам *оголеться / оголяться*: *Не разошлись, к примеру, швы на брюках от дряхлости ниток, не оголилась ли пятка в ботинке – носок был на нем с изъязцем* (Г. Щербакова. Подробности мелких чувств (2000)). *Подхватывается падающая шпилька, спадает японский рукав, оголяется рука...* (А. Битов. Заповедник (телемелодрама) (1991)). Опираясь на результаты поиска в указанном подкорпусе, можно отметить низкую частотность употребления как данных глаголов, так и соответствующих деривационных сочетаний (всего около 30). Чаще употребляются в рассматриваемом значении члены следующего номинативного ряда: *нагой* – *обнажиться* (181:232) / *обнажаться* (112:131) – *стать / становиться нагим* (1 устар. / 2). Подобный словообразовательный тип глаголов, производных от прилагательных (-и- + -ся в комбинации с различными префиксами или без них), представлен в рамках общего словообразовательного значения ‘приобретение признака, названного производящей основой’ лишь несколькими отадъективами, например: *расщедриться* – *внезапно стать щедрым*, *отважиться* – *стать отважным*, *проявить отвагу*, *смириться* – *стать смиренным*, *смириться* – *стать смиренным*. При сопоставлении данных лексем с их аналитическими дериватами становится очевидным тот факт, что здесь сочетание “*становиться / стать + прилагательное в исходной форме*” оказывается семантически недостаточным; поскольку в каждом из глаголов-отадъективов содержится некоторое семантическое “приращение”, что обусловлено известной

фразеологічною семантикою проізвищного слова. Глагол-отадъектив *отважиться* совершенного виду, що підкреслює вищу ступінь проявлення признака, як ми вже відзначали раніше. Однак присутствує і другий семантичний відтінок. Любопытні спостереження І.Г. Милославського на цей рахунок, які він представив у своїй статті «Яким ніколи не можна стати по-російськи?». Лінгвіст відзначає ряд таких характеристик особи, які присущі їй з народження і придбані бути не можуть, наприклад: фізичні (*длиннорукий, кареглазый*), звернені в невідворотнє минуле (*пришлый, родовитый*) і др. Однак лінгвіст звертає увагу на той факт, що «існує значительна група іменних предикатів, які не можуть поєднуватися з «стать», хоча і позначають такі інтелектуально-моральні характеристики особи, які можуть бути не тільки вродженими, але і придбанними» [6, с. 55]. Наприклад, не можна придбати «позитивне» ставлення до світу, т. є. ставити **доверчивым, *правдивым* або **щедрим*. «Ці якості, якщо і можна проявити (а слідкувати, і володіти ними), то тільки в якійсь-то повністю обмежений період часу». Ср.: *Впрочем, видимо, никто просто не отважился залезть в такую грязь по уши* (І. Вольський. Пропасть ім. Пантюхіна: чи буде новий світовий рекорд? (1994)). *От природы не мужественный, он стал отважным под давлением необходимости и страха*. Словообразовательне значення префікса *рас-* в доповнення до розмовної, іронічної стилістическої окраски отадъектива ускладнює процедуру «взаємозаміщення» в тексті номінативних корелятивів, формально пов'язаних з одним і тому ж номінативним рядом. Ср.: *Под конец рассказа бабушка расщедрилась, мне помирать все равно, покопошилась у себя в комнате и*

принесла вдруг темную, но самую настоящую серебряную ложку (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012). *Жевал бы одни и те же заповеди, которых никто не исполняет, увещевал нехороших людей: сребролюбивые, станьте щедрыми, распутные, встаньте на путь воздержания* (Л. Зорин. Юпитер (2001) // «Знамя», 2002). У вказанній роботі І.Г. Милославський підкреслює: «Річ йде про спробу як-то упорядочити той круг іменних предикатів, який, з однієї сторони, характеризується вказаним синтагматическим обмеженням, а з іншої сторони, не володіє такими семантическими признаками, які б це синтагматическе обмеження пояснювали. В той же час, як здається, за вказаним синтагматическим обмеженням стоїть не просто мовна каприз, але саме мовна картина світу. Згідно цьому фрагменту російської мовної картини світу деякі постійні якості особи не можуть виникати тільки в якійсь-то моменті життя людини, але є вродженими, причому на одному з перших місць тут стоїть іскреннє, не показне добре ставлення до світу і людям» [6, с. 57].

Любопытним, на наш погляд, є той факт, що в сучасній російській мові (на прикладі пошукового запиту в системі Яндекс) всі більш востребованні поєднання типу *стать отважным, стать щедрым* і пр. Консультації психологів, всевозможні психологічні тренінги обіцяють допомогти в придбанні позитивних якостей; всі частіше мелькають заголовки статей в глянцевоїх журналах, наприклад: «*Как научиться отдавать и стать щедрой?*»; «*Станьте щедрым человеком*»; «*Как сказал Сильвестр Сталлоне: «У каждого есть страхи и когда мы их преодолеваем, то становимся отважными»*» і др.

Очевидным является тот факт, что далеко не все прилагательные русского языка с качественным значением стали производящими для глаголов с инхоативным значением. Ограничения в образовании таких отадективов могут быть связаны как со структурой (словосложение, осложнение морфемами и др.) производящего слова, так и с его семантикой (например, вторичная “качественность” признака). Система языка восполняет словообразовательную недостаточность именно с помощью деривационных сочетаний. Например: *Он встал из-за стола, дело и впрямь становилось склочным* (А. Хруцкий. *Окаянные дни Ивана Алексеевича // “Звезда”, 2001*); *В таких ситуациях он становился склочным, капризным* (Б. Грищенко. *Посторонний в Кремле (2004)*); *Пакостная жижа потемнела и загустела, стала бурой и сальной, как машинное масло* (А. Гаррос, А. Евдокимов. *[Голово]ломка (2001)*); *Фредерикса, затем гибель Лермонтова и эмиграция Столыпина вызвали отчаяние Гагарина: “Видя, что все желания юности самых благородных людей делаются тщетными, я стал отчаиваться”* (Е. Цимбаева. “Русский католицизм” как общественно-философское течение XIX века (1996)); *У Петровича я снимаю угол, в котором несколько углов: угол, где я, где краски, угол, где чайник, угол, где шкаф, а сейчас и Петрович со своим внутренним голосом, который легко становится внешним* (Ю. Коваль. *Чайник (1980–1993)*).

Интересной в плане проекции семантического содержания в глагол является адъективная пара взаимоисключающих признаков (в их 1-м значении): *живой* ‘живущий, не умерший’ – *мертвый* ‘умерший, лишенный жизни’. В словообразовательном словаре А.Н. Тихонова в составе словообразовательных гнезд данных производящих отмечены

глаголы, реализующие другие значения рассматриваемых прилагательных: *жить* ‘оживлять, бодрить’; *мертветь* ‘утрачивать чувствительность’, ‘терять живость’; *мертвить* ‘лишать жизненности, бодрости, энергии’. Нетрудно заметить, что само толкование первого значения каждого из адъективов подчеркивает их явную глагольную семантику. Номинация действия, связанного с этими признаками, может быть отражена с помощью многочисленных производных, мотивированных собственно глаголами *жить, умереть*. И все же частотными являются употребления в речи деривационных сочетаний *становиться / стать живым, становится / стать мертвым*, которые позволяют спроецировать данную семантику в глагол: *При определенных концентрациях загрязненных веществ жизнь в озере полностью прекращается и оно гибнет, становится мертвым* (В. Горбачев. *Концепции современного естествознания (2003)*); *“До моего слуха ничего не доходило. Наверное, я действительно становился мертвым!” Фриц называет это игрой в “умрунов”...* (О. Тюлькин. “Я для них ручной медвежонок или свинья” (2003) // “Петербургский Час пик”, 2003.09.03); *И даже самого дома Юрия Казакова в Абрамцево, того самого, что становится вдруг живым в последнем рассказе, – нет уже и его.* (А. Бобраков-Тимошкин. *Чудотворец // “Русская жизнь”, 2012*); *Баба Галя была из тех, кто нес с Лениным бревно на субботнике, переливал кровь внутриартериально при помощи такой-то матери – и полумертвые солдаты становились живыми.* (Т. Соломатина. *Акушер-ХА! Байки (2009)*); *Оживают фигурки и становятся живыми, страдающими людьми – коварными и любящими, изворотливыми и простыми, само-*

надеянными и растерянными перед непредсказуемым течением жизни (Глубина Юрия Соломина (2003) // "Театральная жизнь", 2003.04.28).

Говоря о семантических ограничениях в плане образования формы компаратива, необходимо отметить и прилагательные с семантикой цвета. "Почти (выделено нами. – М.Л.) не встречаются в употреблении формы сравнительной степени многих прилагательных со значением цвета: *бордовый, голубой, кофейный, кремовый, лиловый, палевый, фиолетовый, шоколадный, янтарный*. Сфера возможного образования форм сравнительной степени у таких слов – профессиональная речь художников и поэтическая речь" [7, с. 577]. Действительно, в реальной жизни сложно представить, чтобы, к примеру, лиловый цветок значительно отличался по цвету от своего "более лилового" собрата. Другими словами, семантика мотивирующих прилагательных ограничена семой окраски как признаком, присущим самому предмету и лишь зрительно воспринимаемым. В таких случаях подразумевается, скорее, степень насыщенности цвета, которая может выражаться в градуальном ряду следующим образом: *голубой* 'светло-синий' [8, т. 3, с. 240] – *синий* – *индиго* 'темно-синий' [8, т. 5, с. 338]. Однако следует заметить, что нередкими являются случаи употребления и таких глагольных деривационных сочетаний, как уже отмечалось, в художественной речи: *Все синее и театральнее становится вечернее небо, на котором расплываются громадные, как сквозь слезы, звезды* (Сергей Штерн. Ниже уровня моря // "Звезда", 2003); *Только день становился краснее: красные тени и красные цветы, малиновое платье, в роще сгущался воздух, кони поводили ноздрями и нервно трясли гривами, похожие на хозяев* (Ксения Букша. Эрнст и Анна (2002)).

Как известно, семантика цвета подразумевает его обретение, а значит, языковая система может предложить нам такую возможность и в плане выражения. Данная ниша в первой рассматриваемой нами группе, реализующей сему высокой степени интенсивности, легко заполняется аналитическими соответствиями с компонентом *становиться*: *Солнце становится бордовым, затем красным, мрачно-оранжевым и, наконец, обретает все великолепие своего ослепительного блеска* (В.А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия. Том 1 (1991)); *Снег становился лиловым, свет его меркнул, наступал ранний вечер* (Владимир Арро. Дом прибежища // "Звезда", 2002); *Софья Андреевна стояла неподвижно и смотрела, как бумага, перед тем как почернеть, становится шоколадной, как проступают на ней, будто пытаюсь выкрикнуть себя напоследок, исчезающие слова* (Ольга Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995–1999)). Общеизвестны инхоативные глаголы-отадъективы на *-еть* со значением 'приобретение какого-л. цвета', например: *помидоры краснеют – помидоры становятся красными, приобретают красный цвет; руки от холода синеют – становятся синими, делаются синими; весной трава зеленеет – становится зеленой; осенью листва багровеет – окрашивается в багровый цвет* и др.

Заключение

Проекция классифицирующей семантики из одной части речи в другую – достаточно сложный процесс. Так, с одной стороны, есть лексическая семантика производящего имени прилагательного и гипотетическая возможность проекции всего этого содержания в глагол. С другой стороны, есть некоторое количество глагольных дериватов, которые выполни-

ли задачу по “продвижению” лексического содержания производящей единицы. Третья сторона касается особенностей манифестации глагола как части речи и как деривационного класса с присущим ему “набором” словообразовательных значений. “Становление, развертывание признака предполагает, что в исходном моменте он обладает потенциальными возможностями развития. Однако количественный показатель (подчеркнутая степень признака), становясь основным, а порой и единственным элементом в содержании прилагательного <...> сужает область возможного изменения интенсивности качества рамками высокой степени его проявления” [3, с. 105]. Семантика становления признака реализована во многих производных лексемах с помощью немногочисленных словообразовательных формантов, а также эксплицитных деривационных сочетаний. “Современные исследования, основанные на принципах функционализма, показывают, что деривация как процесс порождения родственных единиц зависит и от существующего в системе языка межуровневого взаимодействия. Взаимодействие словообразовательной и синтаксической подсистем языка обнаруживает себя в том, что словообразовательные значения могут быть представлены дискретно, различными словосочетаниями, которые способны выступить в деривационной функции и заменить при необходимости соответствующие производные единицы” [9, с. 44]. Мы проанализировали глаголы-отадъективы с частным словообразовательным значением ‘приобретение полной меры нового признака, названного производящей основой’ типа *ветхий* – *ветшать* – *становиться ветхим*; *глухой* – *глохнуть* – *становиться глухим*; *зеленый* – *зеленеть* – *становиться зеленым*. В ходе проведенного исследования отмечены факты

невозможности взаимозамещения в тексте составляющих номинативных рядов производных глаголов. Во многих случаях рассматриваемое частное словообразовательное значение оказалось успешно реализованным лишь посредством деривационного сочетания модели *становиться / стать* *каким: становиться пожилым, стал босым, станет холостым*. При этом в тексте оказывается эксплицированным не просто действие с семантикой становления (приобретения) признака, но очерчивается целая глагольно-адъективная ситуация.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Никитевич, А. В.** Русский глагол в составе номинативных рядов: монография / А. В. Никитевич. – Гродно: Гроднен. гос. ун-т, 2004. – 347 с.
2. **Новиков, Л. А.** Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антонимичных пар / М. Р. Львов; под ред. Л. А. Новикова – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – С. 5–30.
3. **Янценецкая, М. Н.** Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. – 242 с.
4. **Тихонов, А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т.: более 145000 слов / А. Н. Тихонов. – 3-е изд., исп. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – Т. 2.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. – Дата доступа: 26.07.2018.
6. **Милославский, И. Г.** Синонимические и квазисинонимические отношения между лексическими и словообразовательными средствами в активной грамматике русского языка. Каким можно, а каким нельзя стать по-русски // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji: materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa*

- przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. – Katowice : Wydawnictwo Gnome, 2000. – S. 53–58.
7. Грамматика современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология. – 787 с.
8. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948 – 1965. – 17 т.
9. **Никитевич, А. В.** Дери́вация и смысл : монография / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 223 с.

Поступила в редакцию 25.06.2018 г.
lavyshmarina@yandex.by
(Лавыш Марина Андреевна)

Lavysh M. VERBS FORMED FROM ADJECTIVES WITH THE MEANING ‘FULL ACQUISITION OF A NEW PROPERTY’ IN RUSSIAN LANGUAGE.

In the article modern linguistic views on the projection of a property on a verb by means of derivation are marked and briefly characterized. Special attention is paid to the relations of gradualness of the motivational basis reflected in the semantics of verbs formed from adjectives. The nominative series of these verbs are analyzed in detail and a comparative analysis of their functioning in the modern text is carried out.

Keywords: verb derivation, verbs formed from adjectives, the category of gradualness, derivational meaning, derivational combinations, inchoative verb